

*Карева Наталия Владимировна
Сергеев Михаил Львович*

**«Грамматика французская и русская» (1730) и формирование
академической грамматической традиции в первой половине XVIII в.
(ошибки перевода, терминология, списки сокращений под титлами)¹**

**«Grammaire Française et Russe» (1730) and the formation of the academic grammatical
tradition in the first half of the XVIII century (translation errors, terminology,
abbreviations)**

Ключевые слова: история русского языка XVIII в., грамматики русского языка 1700–1750-х гг., Академия наук.

Резюме: В настоящей статье, посвященной одной из первых грамматик русского языка – «Грамматике французской и русской» (СПб., 1730), рассматривается вопрос об авторстве грамматики, а также очерчивается круг ее возможных источников.

The paper presents one of the first grammars of the Russian language “Grammaire Française et Russe en Langue moderne” (SPb., 1730). The personality of an author is concerned, what sources did he use to compile his work are treated in the article.

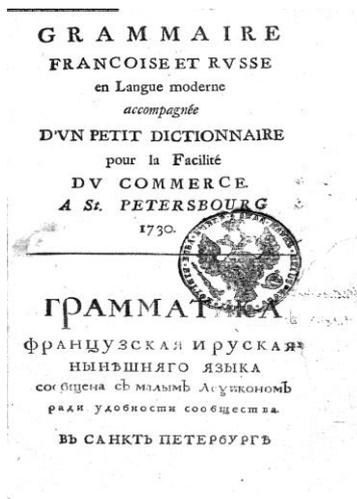
Созданию «Российской грамматики» М.В. Ломоносова предшествовало появление ряда грамматических руководств по русскому языку. Эти первые грамматические опыты были написаны на иностранных языках – немецком, латыни, французском, шведском и предназначались, по всей видимости, для обучения русскому языку иностранцев. Изданная в Петербурге в 1730 г. без указания имени автора «Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d’un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена съ малымъ Леѣикономъ ради удобства сообщества» (64 стр., 8^о) также принадлежит к кругу т.н. «доломоносовских» грамматик русского языка. Известны два ее экземпляра – один хранится в Санкт-Петербурге в отделе редкой книги Библиотеки Академии наук (шифр 1730/2; этим экземпляром мы пользовались в нашем исследовании), другой в Галле (Universitäts und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, Halle an Saale).

«Грамматика французская и русская» не раз привлекала внимание исследователей: в первую очередь, этот интерес был связан с определением ее авторства. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» указано, что автором ее является учитель французского языка Ш.А. Декомбль (De Combles), а переводчиком – И.С. Горлицкий (Сводный каталог... 1966: 3, 486). В.П. Вомперским было высказано предположение, что И.С. Горлицкий являлся не переводчиком, а автором «Грамматики французской и русской» (Вомперский 1969). Версия В.П. Вомперского была поставлена под сомнение Б.А. Успенским, который сопоставил «Грамматику французскую и русскую» с обнаруженными им в Британском музее фрагментами грамматических сочинений И.С. Горлицкого и не нашел между ними сходства (Успенский 1997: 441–446). Несколько лет назад В.С. Власов и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-34-00355 «Формирование академической лингвистической традиции» (рук. Н.В. Карева), а также темы НИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение и формирование языка гуманитарных наук в России» (рук. К.А. Филиппов).

В.П. Московкин (Власов, Московкин 2007) обратили внимание на неточности перевода в русской части грамматики, – это заставило их сделать вывод, что автором грамматики едва ли мог быть носитель русского языка.²

Так как большинством исследователей отмечалось обилие неточностей в русской и французской частях «Грамматики», мы хотели бы, описав структуру грамматики, рассмотреть некоторые наиболее показательные ошибки, встречающиеся в тексте. Далее мы охарактеризуем лингвистическую компетенцию автора грамматики – степень его владения грамматической терминологией и теорией. Наконец, обратившись к разделу *Abreviations de la Langue Russe* (список сокращенных написаний под титлами), мы сопоставим его с аналогичными разделами других грамматик русского языка первой половины XVIII в. Таким образом, в данной статье мы попытаемся дать ответы на следующие вопросы. Был ли автор грамматики носителем русского языка или же иностранцем? Принадлежал ли он к кругу преподавателей Академической гимназии? Ориентировался ли при создании своего руководства на более ранние грамматики русского языка? Наконец, сопоставление номенклатуры списков сокращений в грамматиках русского языка первой половины XVIII в. позволит выдвинуть гипотезу о существовании общего для всех грамматик списка-архетипа, подвергнувшегося постепенным изменениям от одной грамматики к другой.

1. «Грамматика французская и русская»: структура; неточности перевода; лингвистическая компетенция автора.

1.1. Структура грамматики.

Титульный лист «Грамматики французской и русской» набран на двух языках (с. 2). Далее материал расположен в двух столбцах: в левом находится французский текст, в правом – русский; предполагалось, что читатель-иностранец будет усваивать материал русского языка в соответствии со структурой французского. Соблюдение этой схемы в разделе, посвященном орфографии (с. 3–5), приводит к тому, что в «Грамматике французской и русской» не дан полностью русский алфавит. Вместо этого сначала

² Говоря о неточностях перевода, В.С. Власов и В.П. Московкин основываются на четырех примерах: (1) *Je vous aime, Madame* – *Любил вас мою госпожу* (с. 33); (2) *L'on peut dire* – *Благодарень* (с. 34); (3) *Combien vous couste ce cheval* – *Что Вам кошту ета лошадь?* (с. 37); (4) *Je vous pris Madame* – *Прошу вас с госпожею* (с. 38). Для понимания ошибки в переводе фразы (1) необходимо обратиться к контексту. В предыдущем предложении на той же странице использовано настоящее время: *J'aime ta femme* – *Люблю твою жену*; в следующем предложении – будущее время: *pour celle je vous aimerai Madame* – *за что буду любить васъ мою госпожу*. Можно предположить, что в авторский замысел входило показать использование в русском языке всех трех времен, но французский текст (который, возможно, заимствовался из какого-нибудь разговорника) не был изменен нужным образом. Что касается фразы (2), то она относится к метаязыку автора, поясняющего, что вместо *благодарствую* можно просто сказать *благодарень* (см. также Успенский 1997, 446). Особенности перевода фразы (3) В.П. Вомперский склонен объяснять влиянием украинского языка, а также ошибкой, допущенной при наборе из-за повтора элемента *ет-*: вместо *Что Вам кошту ета лошадь?* следует читать *Что вам кошту[еть] ета лошадь?* (Вомперский 1969, 131). Во фразе (4) неясно, пропущено ли слово *avec* во французском тексте или же автор неверно переводит на русский язык французскую фразу. Однако русская конструкция «с + Твор. п. одуш. суц.», переводящая французскую конструкцию «avec quelqu'un», используется автором грамматики в четырех предыдущих фразах на той же странице (*j'ai lû avec mon pere aujourd'hui* – *читалъ с моимъ отцемъ сего дни* и др.), что заставляет предположить, что конструкция «с + Твор. п.» была внесена в перевод фразы (4) по аналогии с предыдущими фразами.

приводятся русские соответствия французским буквам (А В С D E ... А Б Ц Д E ...), а затем разъясняется произношение букв, не попавших в этот список (Ж, У, Х, Ч, Ш и др.). Далее следует список сокращенных написаний под титлами без французского перевода (с. 6–11) и перечень слов, включающий в себя числительные, названия мер, месяцев и временных интервалов с переводом на французский (с. 11–14). Среди обозначений мер встречаются довольно необычные, например, *польанкорка* и *оџсовъ*, которых нет ни в триязычном лексиконе Ф. Поликарпова (1704), ни в русско-французском словаре А.Д. Кантемира. Примечательно также отсутствие раздела, в котором были бы даны парадигмы склонения числительных. Очевидно, этот раздел (как и раздел о склонении прилагательных) был пропущен из-за того, что автор ориентировался на некое французское грамматическое пособие. Во французском языке у числительных и прилагательных нет падежного словоизменения, поэтому во французских грамматиках, например, в грамматике П. Ресто (Restaut 1730), нет отдельных разделов, посвященных этим частям речи.³ Отсутствие этого материала в «Грамматике французской и русской» приводит к существенному пробелу в изложении морфологии.

За перечнем лексики следуют парадигмы склонения существительных (с. 15–20). Автор «Грамматики французской и русской» делит существительные на два склонения: к первому относятся все существительные женского рода, здесь же дается парадигма склонения слов среднего рода на *-я*; ко второму – все существительные мужского рода и оставшиеся существительные среднего рода. Исследователи до сих пор не нашли источников такой классификации; объединение в одном типе склонения слов женского рода на *-а* и *-ь* и среднего рода на *-я* встречается, кроме «Грамматики французской и русской», только в «черновой» рукописи грамматики Ф. Поликарпова (Поликарпов 2000), но в других аспектах совпадений с классификацией Ф. Поликарпова нет. С другой стороны, формулировка, вводящая парадигму среднего рода на *-я*, не предполагает ее отождествления с первым склонением: *Quoique j'aie dit que la lettre Я soit du Genre Feminin & de la premiere Declinaison, il s'en trouve cependant du genre Neutre* (с. 17). Возможно, парадигма склонения существительного *имя* была дана вслед за парадигмой склонения существительного *государыня* потому, что, по мнению автора, обучающемуся так проще было запомнить, что слова на *-я* могут изменяться по-разному.

Следующий раздел составляют парадигмы склонения местоимений (с. 20–27). Набор местоимений в «Грамматике французской и русской» – стандартный для грамматик русского языка XVIII в. Исключение составляют склонение местоимений *вашь* и *свои*, парадигмы которых, кроме «Грамматики французской и русской», даны только в грамматике М. Смотрицкого, и склонение местоимения *нѣкоторои quelq'un* – последнее появляется в «Грамматике», видимо, под влиянием французских сочинений, где неопределенные местоимения традиционно выделялись в отдельный раздел (Restaut 1730, 66–68). Влиянием французской грамматической традиции мы объясняем также пропуск во всех парадигмах местоимений, кроме *мои* и *твои*, форм среднего рода, которого нет во французском языке.

После парадигм склонения местоимений представлены правила образования отыменных прилагательных (с. 28–30) и употребления предлогов (с. 30–37). Затем без какого-либо отступа или заголовка дан небольшой словарик (с. 37–39), включающий в

³ Грамматики, как правило, присваивали склонению прилагательных порядковый номер, следующий за числом склонений имени существительного: в грамматиках М. Смотрицкого (1721), Г.В. Лудольфа (1696), Э. Копиевского (1706), Ф. Максимова (1723), В.Е. Адодурова (1731) это пятое склонение; у Ф. Поликарпова четвертое или пятое (в разных рукописях по-разному); в грамматике Ж. Соле (1724) – склонения XI–XVII.

себя фразы и словосочетания (например, *jay lu avec les dames deux heures читаль съ господами два часа*), и список *Equivoques* (с. 39–40) – специфический раздел грамматик для иностранцев, в котором перечислены сходные по написанию или произношению слова, которые легко спутать (например, *мука – farine* и *мука – tourment*, *лукъ – ognon* и *лукъ – arc de flech*⁴).

Обширная часть «Грамматики французской и русской», посвященная глаголу (с. 41–61), полностью лишена описательной составляющей и состоит из парадигм и небольшого словаря. Последовательность парадигм в «Грамматике» не дает представления о типах спряжения: *венчаю, читаю, учю, люблю, имею, есмь, хочу, могу, иду* и т.д., хотя авторы других известных нам грамматик этого периода четко разграничивали парадигмы на -*мь*, I-го и II-го спряжений. В словарной части для глаголов даны формы настоящего (для совершенного вида – будущего) и прошедшего времен, а также инфинитив. Отметим, что русские эквиваленты приведены в этом разделе то в совершенном, то в несовершенном виде (например, *ecrire пишу писалъ писать*, но *mettre положу положил положить*). Так как в парадигмах и фразах автор легко справляется с видовыми различиями, видовую путаницу в этом разделе мы склонны объяснять отсутствием продуманного решения при переводе глагольных форм.

Завершает «Грамматику французскую и русскую» еще один словарный раздел: в нем представлена разнообразная именная лексика, преимущественно связанная с бытом (названия еды, одежды, столовых приборов и т.п.) Исходя из выбранной автором лексики, а также отсутствия раздела, посвященного синтаксису, можно предположить, что учебник вряд ли предназначался для осваивающего языковой курс студента, – скорее он был адресован путешественнику-коммерсанту, запоминающему отдельные грамматические правила и слова прямо перед поездкой или уже в дороге. О том, что «Грамматика французская и русская» рассчитана на быстрое обучение иностранца русскому языку говорит и последняя фраза: *можно эту граматку научится читать в восемь дней* (с. 64).

1.2. Опечатки, ошибки и неточности перевода в «Грамматике французской и русской». Автор «Грамматики» – носитель русского языка или иностранец?

В грамматической части «Грамматики французской и русской» встречается немало ошибок во французском языке, большая часть которых была допущена, по всей видимости, при наборе. Это пропуски диакритических знаков, отсутствие пробелов, пропуски букв, перестановка букв местами. Встречаются и грамматические ошибки – например, в глагольных формах настоящего времени, в формах *passé composé* и повелительного наклонения.⁵ Наконец, в заключительной части «Грамматики французской и русской», представляющей собой словарь, содержится немало неточностей и ошибок в переводе с французского языка на русский. Среди этих ошибок есть те, которые могут быть объяснены пропуском одного или нескольких слов, как, например, на с. 39: *J'ai reçu aujourd'hui la nouvelle de ma mere avec celle de mon frere – я получил сего дни вѣсть о смерти моеи матери и брата моего*, где во французском тексте, по всей вероятности, пропущено *de la mort*. Ошибки этого типа были допущены при наборе. Есть ошибки, закравшиеся, скорее всего, по вине автора, как, например, на с. 34: *et demain je serai chez mon Cousin – я завтра буду у моего дяди*, где были

⁴ Такого же рода примеры есть в «Grammatica russica» Г.В. Лудольфа, но не отдельным перечнем, а в тексте орфографического раздела: *пиешъ bibis. быешъ verberas, польъ sexus. польъ pavimentum* (H.W.Ludolfi Grammatica Rossica 1959, 8).

⁵ Опечаткам и ошибкам в тексте «Грамматики французской и русской» посвящена статья Е.П. Ивановой и К.В. Дрязговой, публикуемая в данном сборнике (с. XXX).

перепутаны слова *oncle* и *cousin*. Есть и откровенно «темные места», как, например, на с. 38: *Ce matin on a reçu la nouvelle du mariage du cher de Beaupré avec Mademoiselle Marie Varichon* – рано получил новость о свадьбе о (текст закрыт кляксой) кавалѣра отбо съ прекрасною девицею Мариєю Варишонь. Как мы предполагаем, слово *cher* во французской фразе является допущенной при наборе опечаткой: очевидно, здесь должно было быть слово *chevalier*. В переводе фразы на русский язык пропало имя шевалье; вместо него мы видим загадочное *отбо* (прежний владелец хранящегося в БАН экземпляра грамматики зачеркнул и написал на полях *Бопре*). Так как в ряде фраз автор грамматики буквально переводит французский предлог *de* с помощью русского *отъ*, мы предполагаем, что цитированную выше фразу следует читать следующим образом (в квадратных скобках восстановлены пропущенные элементы): *Ce matin on a reçu la nouvelle du mariage du che[valie]r de Beaupré avec Mademoiselle Marie Varichon* – рано получил новость о свадьбе о[тъ] кавалѣра от[ъ]бо[нре] съ прекрасною девицею Мариєю Варишонь. Вероятно, в сданной в набор рукописи «Граматики французской и русской» некоторые слова были сокращены и поэтому неверно набраны не слишком сведущим наборщиком.

Хотим отметить, что в 1730 г. академическая типография обладала небольшим опытом издания книг на французском языке, что объясняет обилие таких неточностей в тексте «Граматики» как пропуск букв, перестановка их местами, пропуск диакритических знаков и даже целых слов. По данным «Сводного каталога книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке», до 1730 г. включительно в России были напечатаны по-французски, помимо «Граматики французской и русской», всего пять изданий: трехстраничное послание А.П. Сумарокова 1724 г. (№2824), труды российского академика француза Ж.-Н. Делиля (№716, №717, №1300-1301), а также восьмистраничный «Регламент» для командиров прибывающих в Россию судов, изданный также на голландском и на итальянском языках (№2318, №2320, №2322). Примечательно также, что в 1730-х гг. более 20% привозных книг были на французском языке, однако учебники и словари продавались в очень незначительном объеме. В 1734 г. в книжной лавке Академии наук было продано только 6 из 93 изданий, что говорит о не слишком большом интересе к изучению французского языка в эти годы (Копанев 1983, 40). В 1752 г. в Академическую лавку было привезено уже 46 педагогических и филологических сочинений, и общее число продаваемых книг выросло до 665 (Копанев 1983, 46–47). Начиная с 1750-х гг. появляются также российские издания учебников по французскому языку⁶.

В «Грамматике французской и русской» с опечатками, допущенными при наборе, соседствуют возникшие по вине автора неточности перевода. В работах, посвященных «Грамматике», не раз отмечалось, что ее автор испытывал сложности при переводе с русского языка на французский и наоборот (Durovič 1995, 52). Мы предполагаем, что однообразие и искусственность некоторых переводов в «Грамматике французской и русской» связаны со стремлением автора объединить факты русского и французского языка, что нередко приводило к подчинению русского материала моделям французского языка. Такая тенденция, связанная с общей ориентацией на западноевропейские культурные эталоны, вообще была характерна для учебных грамматик начала XVIII в. Например, И.-Э. Глюк в «Grammatik der russischen Sprache» (1704) и И. Афанасьев в «Грамматике русского и немецкого языков» (1725) часто калькировали грамматические формы и конструкции, делая, таким образом, попытку уравнивать русский язык и литературные европейские языки (Успенский 1989;

⁶ Если не учитывать изданной, по всей видимости, в 1730 г., но не сохранившейся «Сокращенной французской грамматики с вокабулами». См. перечень изданных в России учебных пособий, составленный В. Ржеуцким (Rjéoutski 2005, 523–527).

Durovič 1994). В случае с автором «Грамматики французской и русской» неуверенность в подборе синтаксических эквивалентов может свидетельствовать об использовании некоего неизвестного нам французского источника, из которого он последовательно выписывал ряды фраз.⁷ Во всяком случае, мы полагаем, что неточности перевода, так же как и обилие опечаток не свидетельствуют о том, что автор «Грамматики французской и русской» был иностранцем. Скорее всего, это был русский автор, который, однако, при составлении грамматики был довольно небрежен или тороплив, что и объясняет обилие неточностей в тексте.

1.3. Лингвистическая компетенция автора «Грамматики французской и русской»: степень его владения грамматической терминологией, теорией и языковым материалом.

Кроме неточностей перевода исследователями отмечался тот факт, что автор «Грамматики французской и русской» плохо ориентировался в грамматической терминологии (Durovič 1995, 54). В частности, флексии и предлоги он называл *буквами* (*lettres*), а суффиксы то *буквами*, то *словами* (*mots*). См., например:

la lettre Я soit du Genre Feminin & de la premiere Declinaison (с. 17);

avec le Genitif il faut la lettre у Par exemple Je suis ete aupres ma femme я былъ у моеи госпожи (с. 30);

Pour faire les noms adjectives des noms propres appellatifs & des offices s'il sera le nom de la premiere Declinaison, comme par exemple Императрица ou дѣвица il se formera du Genitif du Singulier avec la lettre инъ (с. 28);

De quelques noms Substantifs de la seconde Declinaison l'on formera les Adjetifs (sic!) des Nominatifs ajoutant au Nominatif le mot скоу (с. 29).

В грамматиках М. Смотрицкого (1721) и Ф. Максимова (1723) для обозначения флексий и предлогов использовались термины *оконченіе* и *предлогъ*, а суффиксальное словообразование описывалось без обозначения прибавляемого элемента⁸, однако автор «Грамматики французской и русской», по всей видимости, был мало знаком с церковнославянской грамматической традицией. О теоретической несостоятельности автора косвенно свидетельствует также дословный перевод с русского на французский всех форм в парадигмах существительных, местоимений и глаголов.⁹ См., например, склонение существительного *царица* – *la reine* (с. 15) или спряжение в *passé composé* глагола *венчать* – *couronner* (с. 41):

<i>Singulier</i>	ЕДИНСТВЕННОЕ.	<i>jaï couronné</i>	<i>я вѣнчалъ</i>
<i>la Reine</i>	<i>Царица</i>	<i>tu as couronné</i>	<i>ты вѣнчалъ</i>
<i>de la Reine</i>	<i>Царицы</i>	<i>il a couronné</i>	<i>онъ вѣнчалъ</i>
<i>a la Reine</i>	<i>Царицѣ</i>	<i>jaï couronnée</i>	<i>я вѣнчала</i>
<i>la Reine</i>	<i>Царицу</i>	<i>tu as couronnée</i>	<i>ты вѣнчала</i>
<i>avec la Reine</i>	<i>съ Царицею</i>	<i>elle a couronnée</i>	<i>она вѣнчала</i>

⁷ Это предположение было высказано Л. Дюровичем: «concerning the two languages involved it is apparent that Russian is the author's own language, that he has some mediocre knowledge of French and, perhaps, some French phrase-book» (Durovič 1995, 52).

⁸ См., например, у М. Смотрицкого: «глаголнаго вида има естъ, еже ѡ[ъ] гл[агол]ъ производится: яко, чтеніе, чтець, ѡ[ъ] чту: слышаніе, слышатель, ѡ[ъ] слышу: и прочая» (Смотрицкий 1721, 28а); [о видах глагола] «учащательный естъ, иже вещь учащаему знаменуетъ. и обычнѣ кончитса на аю: и лю: яко, бѣгаю, читаю, алкаю, твораю, охраняю, летаю: и про[чая]» (Смотрицкий 1721, 110 об.).

⁹ Отметим, что Ж. Соие, автор другой написанной по-французски грамматики русского языка (1724), не переводит формы в парадигмах существительного, из местоимений снабжает переводом только личные, зато последовательно переводит все глагольные формы, значение которых могло быть неочевидным для француза (Sohier 1987). Впрочем, дословный перевод парадигм мы находим также в более поздней русско-французской грамматике Шарпантье (Charpentier 1795).

Очевидно, автор «Грамматики французской и русской» не владел языком грамматического метаописания в достаточной степени, чтобы объяснить значения падежей и времен. Тем не менее, его теоретическая несостоятельность не свидетельствует о плохом владении русским языком, как на это справедливо указал Л. Дюрович (Durovič 1995, 55).

Еще один факт говорит в пользу предположения о том, что автор «Грамматики французской и русской» был носителем русского языка. В «Грамматике» даны парадигмы спряжения двадцати глаголов – значительно больше, чем в любой другой русской грамматике первой половины XVIII в. Лексика глагольных парадигм «Грамматики» практически не имеет совпадений (кроме очевидных *есмь, имею*) с другими грамматиками 1730-х гг. и более ранними сочинениями. Автор «Грамматики французской и русской» справляется с видовыми и временными различиями, не путает формы настоящего и будущего времен, дает примеры как аналитического, так и синтетического будущего времени (*буду венчать, буду читать – поиду, поеду* и др.)¹⁰. Таким образом, глагольные парадигмы не заимствовались автором «Грамматики французской и русской» из другой грамматики первой половины XVIII в., но были созданы им самим.

Выше мы отметили, что автор «Грамматики французской и русской» не владел лингвистической терминологией – мы предполагаем, что грамматическая теория была известна ему не намного больше. Структура изложения материала (порядок описания отдельных частей речи, порядок форм в парадигмах) была, очевидно, заимствована им из какого-то другого сочинения. В исследованиях 1990-х–2000-х гг. «Грамматика французская и русская» была отнесена к кругу так называемых «грамматик Академической гимназии»¹¹. Л. Дюровичем был обнаружен возможный общий источник этих грамматик – анонимные грамматические таблицы, датируемые 1706–1707 гг., напечатанные шрифтом Э. Копиевского и находящиеся в фонде Extranea Государственного архива в Стокгольме (Durovič 1987). При исследовании «грамматик Академической гимназии» основное внимание справедливо уделялось грамматической части учебников. Однако помимо морфологии и синтаксиса, грамматики русского языка первой половины XVIII в. и, в частности, «Грамматика французская и русская» включают в себя ряд «периферийных» разделов – например, словарь, раздел, посвященный графике и другие – не менее интересных с точки зрения истории и преемственности этих текстов.

¹⁰ В «Compendium Grammaticae Russicae» (1731) вовсе нет раздела о глаголе, в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В.Е. Адодурова (1731) о синтетическом будущем сказано только в примечании: «Dieses Futurum [глагола *верить* – Н.К., М.С.] wird auch sonst vom Praesenti mit Beyfügung der Particul po hergeleitet, als: *Я поверю ich werde glauben, Мы поверим wir werden glauben*» (Unbegaun 1969, 43). Только в грамматике М. Гренинга (1750) появляются параллельные парадигмы: *я буду делать – сделаю; я буду хвалить – похвалю* (Unbegaun 1969, 137, 139). При этом авторы-иностранцы, писавшие грамматики русского языка, нередко путали глагольные виды. Г.В. Лудольф в своей «Grammatica Russica» относит формы *сожгу, возму, встану* и др. к настоящему времени (H.W.Ludolfi Grammatica Rossica 1959, 35–36). Г. Кайперт обращает внимание на видовую путаницу у И.В. Пауса (Keipert 2004, 74). Шарпантье весьма односторонне оценивает значение приставочных и суффиксальных средств в образовании видовременных форм (Charpentier 1795, 79, 118–119).

¹¹ Термин «грамматика Академической гимназии» был введен Л. Дюровичем в докладе на конференции 1989 г. (Durovic 1992). Л. Дюрович следующим образом характеризует эти тексты: «...авторский характер любого из текстов ГАГ [грамматики Академической гимназии – Н.К., М.С.] очень отчетлив ... Скорее их можно считать текстами, возникшими в среде преподавателей одной школы, которые подлежат списыванию, заведомому варьированию или изменениям, распространению, переводу» (Durovic 1992, 174).

Аггабъ	Ангель
аггаски	ангельски
архангабъ	архангель
Архангаски	архангельски
апабъ	апостоль
апаски	апостольски
богъ	богъ
богство	божество
бца	богородица
блаженъ	блаженъ
благвенъ	благословенъ
благнь	благодать
богблагшныи	богоблагдатшныи
Влака	Владыка
Влаца	владычица
влагство	владычество
воскрне	воскресение
Габъ	Господь
гдъство	господство

2. Список сокращенных написаний под титлами (Abreviations de la Langue Russe) в «Грамматике французской и русской».

2.1. Причины появления этого раздела в «Грамматике французской и русской». Списки сокращенных написаний под титлами в церковнославянских букварях.

Один из разделов, привлечший наше внимание, – это список сокращенных написаний под титлами (*Abreviations de la Langue Russe*, с. 6–11). Появление этого списка в «Грамматике французской и русской» несколько неожиданно, так как автор «Грамматики», по всей видимости, не ставил перед собой задачи хотя бы немного познакомить своего читателя с церковнославянским языком (в отличие, например, от И.В. Пауса и В.Е. Адодурова). Как мы уже отметили, в «Грамматике французской и русской» не представлен алфавит (на с. 3 дан лишь

список русских эквивалентов для букв латиницы) и не указаны числовые значения букв. При этом список сокращений в «Грамматике французской и русской» весьма обширен – он включает в себя 102 лексические единицы (аналогичный список в грамматике В. Лудольфа (1696) включает в себя 35 л. е.; список грамматики Э. Копиевского (1706) – только 15 л. е.).

Возникает вопрос: почему раздел *Abreviations de la Langue Russe* появился в грамматике, которая по характеру подачи материала в большей степени напоминает разговорник, нежели полноценное грамматическое описание русского языка? Мы предполагаем, что автор «Грамматики французской и русской» включил список сокращений в свое сочинение «по инерции», ориентируясь на другие известные ему грамматические труды первой половины XVIII в. Действительно, такой же список мы обнаруживаем во всех современных и предшествующих «Грамматике французской и русской» описаниях русского языка для иностранцев, начиная с «Grammatica russica» В. Лудольфа (1696) и заканчивая «Россійской грамматикой» М. Гренинга (1750).¹² В грамматиках церковнославянского языка Л. Зизания, М. Смотрицкого и Ф. Максимова подобных списков не было – приводились лишь общие замечания о написаниях под титлами, особенно о сакральной семантике таких написаний,¹³ однако списки сокращений имелись в многочисленных церковнославянских букварях, начиная с Львовской и Острожской азбук И. Федорова (1578).¹⁴ Характерно, что перечень

¹² Такого списка мы не находим в «Grammatik der russischen Sprache» И.Э. Глюка, однако в его грамматике вообще нет раздела, посвященного орфографии.

¹³ См., например, в грамматике Л. Зизания (1596): «свойственно же ей [титле] есть паче сущихъ написанны[хъ] писмень значити. яко б[о]гъ, о[те]цъ, с[ы]нъ, д[у]хъ, с[вя]тый» (Зизаний 1980, л. 13); в грамматике М. Смотрицкого (1721): «Употребляемы [титла и словотитла] ... бываю[ть] въ самыхъ точию имене[хъ] б[о]жиихъ, и б[о]жиеи чести служащихъ...» (Смотрицкий 1721, л. 16 об.), а также в «Грамматике славенской» Ф. Максимова (1723): «Титла, яже есть надписание чести, полагаема над[ъ] имени, из'являеть нечто превысокое, или честь б[о]ж[ест]венную, или с[вя]тость, или достоинство, или о[т]деление...» (Максимов 1723, 179–180).

¹⁴ Списки в этих азбуках (раздел «По орфографии») имеют двоякую функцию. Одновременно с перечнем сокращений, здесь даются образцы склонения и спряжения (Немировский 1983, 65–69; Немировский 1985, 153–156). Номенклатура этих списков существенно отличается от списков рассматриваемых нами грамматик.

сокращений в букварях записывался в строку, и при сокращениях не давалось полного написания слов. По нашему мнению, именно из букварей списки сокращений попали в грамматики русского языка, созданные в первой половине XVIII в.

2.2. Списки сокращений под титлами в «Грамматике французской и русской» и в других «грамматиках Академической гимназии»: сходства и различия, наличие общей номенклатуры.

Список сокращений в «Грамматике французской и русской» мы сопоставили с аналогичными списками в других грамматиках первой половины XVIII в.¹⁵ Нашей целью было определить, не было ли у академических грамматик 1730-х гг. общего списка-архетипа, разработанного на основе букварей и затем видоизменявшегося? Нами были рассмотрены следующие грамматики русского языка: «Grammatica russica» В. Лудольфа (1696); «Руководение въ грамматику во славяноросійскую или Московскою» Э. Копиевского (1706); «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (1731); «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В.Е. Адодурова (1731); рукописная «пространная» грамматика русского языка В.Е. Адодурова (вторая половина 1730-х гг.); «Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica» М. Гренинга (1750).

Отметим, что авторы «грамматик Академической гимназии» принадлежали к одному научному коллективу, общались между собой и были хорошо знакомы с материалами друг друга. Так, М. Шванвиц с 1725 г. работал в Академической гимназии, где преподавал немецкий и русский языки; И.С. Горлицкий в 1725–1727 гг. преподавал в Академической гимназии латынь; там же преподавал Ш.А. Декомбль. В 1726 г. в Академическую гимназию перевелся В.Е. Адодуров, а в 1727 г. был зачислен в студенты Академического университета, где, среди прочих предметов, изучал латынь, немецкий и французский. И.С. Горлицкий и И.В. Паус с 1720-х гг. работали переводчиками при Академии, чуть позже и В.Е. Адодуров начал заниматься переводами. Таким образом, неудивительно, что даже поверхностный взгляд на сопоставительный материал позволяет увидеть значительное сходство между списками сокращений в «Грамматике французской и русской» (102 л. е.), «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (86 л. е.), грамматиках В.Е. Адодурова («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache»: 88 л. е.; «пространная» грамматика: 83 л. е.) и «Россійской грамматике» М. Гренинга (87 л. е.).

Список из «Грамматики французской и русской» является наиболее полным по сравнению с другими списками. В нем имеется девять слов, которых нет в других «грамматиках Академической гимназии» (здесь и далее лексика списков дается в упрощенной орфографии): *богоблагодатный, господство, евангелисть, людский, рожественъ, ученицы, ученичeskъ, Христовъ, честень*. В свою очередь, другие грамматики включают слова, отсутствующие в «Грамматике французской и русской». Так, М. Шванвиц в «Compendium Grammaticae Russicae» добавляет слова *господень, князь, Отче Нашъ, сынъ*; В.Е. Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» – слова *благо, глаголъ, девка, денга, денегъ, князь, священныи, святыня*. Однако основной лексический корпус является общим для пяти грамматик. И в «Грамматике французской и русской», и в «Compendium Grammaticae Russicae», и в грамматиках В.Е. Адодурова, и в «Россійской грамматике» М. Гренинга имеется 61 лексема: *ангелъ, апостолъ, Богъ, божество, богородица, блаженъ, благословень, благодать, владыка, Господь, государь, господинъ, госпожа, Давидъ, девица, девство, душа, день, евангелие,*

¹⁵ Сопоставительный материал представлен в виде таблицы на сайте проекта (<http://lomonosov.iling.spb.ru/terminology/home.html>); в рамках статьи мы ограничимся описанием результатов исследования.

епископъ, Израиль, Иисусъ, Иерусалимъ, Крестъ, крещение, креститель, мудрость, милость, милосердие, милостыня, молитва, мати, Мариа, мученик, месяцъ, младенецъ, небо, небесныи, нашъ, ныне, Отецъ, отечъ, преподобенъ, пророкъ, предтеча, присно, Рождество, святъ, солнце, сердце, страсть, Троица, троичень, учитель, ученикъ, Христось, царь, царица, церковь, человекъ, честь.

Расхождения между списками касаются преимущественно включения производных форм, в том числе, от перечисленных выше основ¹⁶. В списках некоторых из перечисленных выше грамматик указаны такие слова как *ангелски, архангелъ, архангельски, апостольски, владычество, воскресение, Духъ, духовныи, естество, епископство, израильски, любомудръ, отечество, отеческъ, Премудрость, пресвятъ, престоль, священникъ, смерть, слава, святитель, трисвятъ, трисвятое, христианинъ, царский, человеческий, честный*, тогда как другие грамматики какие-то из этих слов исключают. Г. Кайперт и А. Гутерер отметили общую тенденцию к устранению производных форм в более поздних версиях списка (Compendium 2002, 75). Впрочем, расхождения касаются не только отыменных прилагательных *архангельски, апостольски, духовныи, епископство* и др., но и существительных, например, *духъ, естество, любомудръ* и др. При этом не всегда можно найти строгую последовательность в сохранении или пропуске производных форм автором той или иной грамматики. Если сравнивать списки в грамматиках В.Е. Адодурова со списком в «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (хронологически более ранним), то можно заметить, что В.Е. Адодуров устраняет слова *апостольски, христианинъ, честныи*, но при этом добавляет такие слова как *владычество* (при *владыка*), *отеческъ* (при *отецъ* и *отечъ*), *священныи* и *святыня* (при *святъ*), *царский* (при *царь* и *царство*).

2.3. Гипотеза о существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии» и основанного на списке из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701).

Рассмотрение списков сокращений под титлами в грамматиках В.Е. Адодурова, М. Гренинга и в «Грамматике французской и русской» привело Л. Дюровича к выводу об архаичности списка «Грамматики», который затем подвергся «чистке» в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» (Durovič 1992, 187–189). По наблюдению Л. Дюровича, В.Е. Адодуров исключил около двадцати производных слов, имеющих в списке «Грамматики французской и русской». При этом некоторые исключенные в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» сокращения из «Грамматики французской и русской» были впоследствии восстановлены в более поздней «пространной» грамматике В.Е. Адодурова и в «Россійской грамматике» М. Гренинга. Таким образом, редакция учитывала предшествующие тексты той же традиции, а не только непосредственные источники. Интересна и другая тенденция: М. Гренинг, вслед за В.Е. Адодуровым, обосновывает пропуск в таблице производных слов, объясняя в отдельном параграфе правила их сокращенного написания (Unbegaun 1969, 65). Несмотря на это, некоторые словообразовательные гнезда с производными словами сохранены в его перечне: например, *владыка – владычица, милость – милостыня, небо – небесныи*, и др., что показывает значительную степень зависимости от традиции, ограничивавшую инновации авторов.

Наличие значительного объема общей номенклатуры и очевидного общего принципа редактирования списка (пусть и не последовательно реализованного), позволяет предположить, что списки «грамматик Академической гимназии» образуют

¹⁶ Понятие производности было уже в церковнославянской грамматической теории. Ср. в грамматике Смотрицкого деление речений (слов) на первообразные (*злато, древо*) и производные (*златый, деревяный*) (Смотрицкий 1721, л. 27 об.).

единую традицию и восходят к некому общему списку-архетипу. Мы предполагаем, что этот список основывался на перечне сокращений из «Букваря» Ф. Поликарпова 1701 г. (Поликарпов 1701)¹⁷, практически идентичном перечне из московского букваря 1704 г. (Букварь 1704) или из другого издания, сохранявшего ту же номенклатуру. Предположение в качестве источника «Букваря славенскими, греческими, римскими писмены» Ф. Поликарпова привлекательно по следующим историческим соображениям: И.С. Горлецкий (предполагаемый автор «Грамматики французской и русской») и В.Е. Адодуров были учениками Славяно-греко-латинской Академии, где некоторое время преподавал Ф. Поликарпов и для которой, вероятно, предназначалось его пособие. Кроме того, трехязычный тематический словарь, составляющий вторую часть «Букваря», представлял большой интерес для составителей грамматик и разговорников (Keipert 2004, 76–78; Glück 1994, 38–40). Впрочем, наиболее существенные аргументы в пользу списка «Букваря» Ф. Поликарпова дает сопоставление его номенклатуры с номенклатурой академических грамматик 1730-х гг. Большинство сокращений из списка Ф. Поликарпова (99 из 114) мы находим в «Грамматике французской и русской» и в других «грамматиках Академической гимназии». 15 сокращений из списка Ф. Поликарпова отсутствуют во всех «грамматиках Академической гимназии» – мы считаем это результатом сознательной переработки, сделанной автором списка-архетипа. Если рассмотреть перечень слов, исключенных во всех «грамматиках Академической гимназии», нетрудно заметить, что это – производные слова, преимущественно отыменные прилагательные: *архангели*, *божественный*, *Богородичень*, *господственный*, *Господи* (при сохранении в списке формы *Господь*), *Давидовъ*, *днесь*, *мать* (при наличии параллельной формы *мать*), *мученичество*, *небомудренный*, *пророчица*, *сердечныи*, *троическъ*, *ученицы*, *христианскій*. При этом исключение этих 15 лексем не вполне очистило список от производных слов: так, было исключено слово *мученичество* при сохранении слова *царство* (наряду с *царь*), исключено *сердечныи* при сохранении *небесныи* (наряду с *небо*) и т.п. Такое непоследовательное сокращение подтверждает нашу гипотезу о существовании общего списка-архетипа, так как вряд ли оно могло быть произведено несколькими авторами независимо друг от друга.

Говоря о существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии», мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что у списков сокращений в «Букваре» Ф. Поликарпова и в «Грамматике французской и русской» есть девять эксклюзивных соответствий. Это слова *богоблагодатный*, *господство*, *евангелисть*, *людский*, *рождественъ*, *ученицы*, *ученическъ*, *Христовъ*, *честень* – их нет ни в одной другой академической грамматике 1730-х гг. В связи с этим можно предположить, что список «Грамматики французской и русской» – хронологически наиболее ранней из «грамматик Академической гимназии» – послужил архетипом для более поздних описаний русского языка. Однако основной тенденцией предполагаемого архетипа было устранение из списка Ф. Поликарпова производных слов, а этой тенденции мы не находим у автора «Грамматики французской и русской». Отсутствие в списке «Грамматики французской и русской» слов *архангели*, *божественный*, *Богородичень*, *господственный*, *Господи* (при *Господь*), *Давидовъ* и др. при сохранении слов *богоблагодатный*, *господство*, *евангелисть*, *людский*, *рождественъ* и др. невозможно объяснить другими причинными, кроме как использованием общего с другими академическими грамматиками списка-архетипа, с внесением в него некоторых дополнений. Пользуясь списком-архетипом, автор

¹⁷ По мнению М. Шмюкер-Брелоер, «Букварь» Ф. Поликарпова является источником списка сокращений в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауса и в «Grammatica Russica Hamburgiensis» (Grammatica Russica Hamburgensis 2001, 36–37).

«Грамматики французской и русской», очевидно, обращался одновременно и к списку Ф. Поликарпова – именно так мы объясняем наличие эксклюзивных соответствий в списках «Букваря» и «Грамматики французской и русской». Автор «Грамматики», вероятно, не вполне понял тот принцип, в соответствии с которым из списка-архетипа были исключены некоторые наличествующие у Ф. Поликарпова слова. О таком непонимании говорит буквальное следование списку Ф. Поликарпова в двух особенно примечательных случаях. Автор «Грамматики французской и русской» сохраняет в своем списке краткую и полную формы прилагательного *честень* и *честный* наряду с исходным существительным *честь*¹⁸; чуть выше в списке сохранена церковнославянская форма множественного числа от *ученикъ* – *ученицы*¹⁹.

Так как автор «Грамматики французской и русской» очень непоследователен в исключении производных слов, мы полагаем, что список сокращений «Грамматики французской и русской» вряд ли может претендовать на роль списка-архетипа, к которому обращались авторы более поздних грамматик по русскому языку. Очевидно, автор «Грамматики» сам заимствовал слова из некоего составленного ранее списка, а затем добавил к ним некоторые слова из перечня «Букваря».

2.4. Списки сокращений в грамматиках русского языка, хронологически предшествующих «грамматикам Академической гимназии» (грамматики Ж. Сойе и И.В. Пауса).

Три грамматики, имеющие в своем составе списки сокращений, были написаны раньше «грамматик Академической гимназии»: «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» Ж. Сойе (1724), «Grammatica Russica Hamburgiensis» (1703–1706) и «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауса (1705–1729). Чтобы выявить, примыкает ли номенклатура этих грамматик к традиции «грамматик Академической гимназии», мы соотнесли списки сокращений из грамматик Ж. Сойе и И.В. Пауса со списками из «Букваря» Ф. Поликарпова и академических грамматик 1730-х гг.

«Grammaire et Méthode Russes et Françaises» Ж. Сойе (1724) была написана в Париже; ее автор работал переводчиком с латинского, русского и польского языков в Королевской библиотеке. По собственному утверждению Ж. Сойе, он не был знаком ни с церковнославянской, ни с русской грамматической традицией,²⁰ однако Б.А. Успенский показал несомненное влияние «Grammatica russica» Г.В. Лудольфа (1696) на изложение морфологии в «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» (Sohier 1987, IX–XVIII). Влияние Г.В. Лудольфа на Ж. Сойе обнаруживается и при сопоставлении списков сокращений обеих грамматик. В «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» Ж. Сойе имеются два следующие друг за другом списка сокращений, причем каждый дан в алфавитном порядке (Sohier 1987, 11–13, 14–15). Сокращения первого списка (41 л. е.) Ж. Сойе практически полностью повторяют сокращения из списка В. Лудольфа (с добавлением слов *троичень* и *честны*), тогда как второй список (32 л. е.) повторяет номенклатуру «грамматик Академической гимназии». Едва ли источником списков Ж. Сойе был «Букварь» Ф. Поликарпова. Ведь оба списка «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» значительно короче списка «Букваря», а

¹⁸ В списке «Compendium Grammaticae Russicae» указано только прилагательное *честный*, в списках других «грамматик Академической гимназии» отсутствуют оба прилагательных.

¹⁹ В «Грамматике французской и русской» нет парадигмы склонения слов с основой на заднеязычный; в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» даны только непалатализованные формы множественного числа: *порогъ* – *пороги*, *лукъ* – *луки*, *человекъ* – *человеки* (Unbegaun 1969, 19, 21). Ср. склонение у Смотрицкого: *другъ* – *друзи*, *пророкъ* – *пророцы* (Смотрицкий 1721, л. 42 об.–43 об.).

²⁰ Об этом пишет сам Ж. Сойе: «N'ayant pu trouver de Grammaire Esclavonne ou Russe, sur laquelle je pusse me regler pur l'ordre et l'arrangement de ma Grammaire et de ma Methode...» (Sohier 1987, J v.).

если предположить, что Ж. Сойе самостоятельно сокращал список Ф. Поликарпова, совершенно непонятны мотивы такого сокращения. В списках «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» нет многих как производных, так и первообразных слов (например, *владычица, господинъ, госпожа, духовный, девство, душа, Иерусалимъ, мудръ* и др.) и при этом есть отсутствующий в списке Ф. Поликарпова композит *небоподобны*. Возможно, появление второго списка в грамматике Ж. Сойе связано с его общением с русскими информантами, у которых он, начиная с 1721 г., собирал материал (Успенский 1997, 471–472) – заметим, что как раз в это время в Париже учился И.С. Горлицкий. По всей видимости, список-архетип, автор которого исключил из перечня Ф. Поликарпова слова *архангели, божественный, Богородичень, господственый, Господи, Давидовъ* и др. уже существовал к началу 1720-х гг.; мы предполагаем, что русский информант познакомил Ж. Сойе с этим списком, так как этих слов нет в «Grammaire et Méthode Russes et Françaises».

Некоторые сведения о предполагаемом списке-архетипе предоставляет список сокращений в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауса (1705–1729).²¹ И.В. Паус начал писать «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» в 1705 г., видимо, лишь только выучив русский язык. В 1720 г. он подготовил грамматику к печати, однако опубликовать ее ни в России, ни в Германии не удалось. В 1729 г. И.В. Паус передал в Академию наук, возможно, переработанную рукопись грамматики (Винтер 1959, 317–319), но издание не состоялось. Таким образом, мы не знаем, когда был составлен перечень сокращений, имеющийся в рукописи И.В. Пауса. Возможный хронологический диапазон – от 1705 до 1729 гг. По мнению Г. Кайперта и А. Гутерер, в этот период текст мог существенно дополняться и перерабатываться (Compendium 2002, 36).

Список сокращений в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» (89 л. е.) обнаруживает значительную близость со списками «грамматик Академической гимназии» – так, в списке И.В. Пауса отсутствуют слова из списка Ф. Поликарпова, исключенные всеми авторами «грамматик Академической гимназии». Так же, как и списки академических грамматик 1730-х гг., список И.В. Пауса включает слова *апостоль* и *князь* (отсутствующие только в «Грамматике французской и русской») и – так же, как и список «Compendium Grammaticae Russicae» – формулу *Отче Нашъ*. Эти факты, сближающие списки И.В. Пауса и списки академических грамматик 1730-х гг., казалось бы, свидетельствуют в пользу поздней датировки списка И.В. Пауса (1720-е гг.), однако важные уточнения вносит сопоставление списка сокращений в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» со списком сокращений в «Grammatica Russica Hamburgensis» (93 л. е.), написанной до 1706 г., авторство которой также приписывается И.В. Паусу. В обеих грамматиках слова в полном написании даны латиницей, однако в «Anweisung» за ними следует перевод на немецкий, а в «Grammatica Russica Hamburgensis» – на латинский. При этом номенклатура списков обеих грамматик очень сходна: в списке «Grammatica Russica Hamburgensis», как и в «Anweisung», отсутствуют слова, исключенные большинством авторов «грамматик Академической гимназии». Различия сводятся к тому, что в «Grammatica Russica Hamburgensis» есть несколько производных слов, устранившихся в списке «Anweisung»: *ангелски, господство, евангелисть, епископство, отечество, отеческъ, рожественъ, человеческий* (в «Anweisung» вместо этого *человекъ*), *честный* (наряду с *честень*, которое сохраняется в «Anweisung»). В целом же, список «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» представляется переработанным вариантом списка «Grammatica Russica Hamburgensis» (пропуски,

²¹ В нашем исследовании мы пользовались текстом «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache», расшифрованным и опубликованным Д.Е. Михальчи (Михальчи 1969).

вероятно, восстановлены по «Букварю» Ф. Поликарпова): вполне вероятно, что оба списка были составлены И.В. Паусом в разное время²².

Сходство списков сокращений в «Grammatica Russica Hamburgensis» и «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауса со списками в «грамматиках Академической гимназии», а особенно тот факт, что производные слова из списка «Букваря» Ф. Поликарпова были исключены уже в «Grammatica Russica Hamburgensis», написанной до 1706 г., заставляет предположить, что список-архетип, на который ориентировались составители последующих грамматик русского языка был составлен в самом начале XVIII в.

Однако есть существенная особенность, объединяющая списки «Anweisung» и «Grammatica Russica Hamburgensis» и отличающая их от списков «грамматик Академической гимназии». Как мы уже отметили, в славянских букварях списки слов под титлами давались без «раскрытия» сокращений, во всех же рассмотренных нами грамматиках русского языка сокращения раскрываются. В списках «Anweisung» и «Grammatica Russica Hamburgensis» мы нашли ошибочную расшифровку трех аббревиатур – *прѣтъ* (в «Anweisung» *перстъ*), *стѣль* (в «Anweisung» *сѣтъ*) и *трѣтъ*. Первая из них и в «Grammatica Russica Hamburgensis», и в «Anweisung» расшифровывается как *перстъ* (*perst digitus* в «Grammatica Russica Hamburgensis»; *perst der Finger* в «Anweisung») вместо *пресвятъ*. Вторая раскрыта в «Grammatica Russica Hamburgensis» как *столь* (*stol, mensa*), а в «Anweisung» как *свелъ* (*swetl hell*) вместо *святитель*; *трѣтъ* отсутствует в «Anweisung», а в «Grammatica Russica Hamburgensis» истолковано как *тростъ* (*trost, arundo*) вместо *трисвятъ*; примечательно, что в двух последних случаях автор «Grammatica Russica Hamburgensis» игнорирует *ѣ* и *ѥ* на конце слова. Что же касается списков «грамматик Академической гимназии», то в них эти сокращения раскрыты правильно. Общие ошибки в списках «Grammatica Russica Hamburgensis» и «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache», с одной стороны, служат дополнительным аргументом в пользу того, что у них был общий автор. С другой стороны, эти ошибки говорят против предположения о том, что список «Grammatica Russica Hamburgensis» был источником более поздних списков. Скорее всего, у списков «Grammatica Russica Hamburgensis», «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» и списков «грамматик Академической гимназии» был общий список-архетип, представлявший собой сокращение списка из славянского букваря. В этом списке-архетипе написания под титлом давались без расшифровки (отсюда ошибки в «Grammatica Russica Hamburgensis» и в «Anweisung»), но со знаками придыхания и ударения, которые были сохранены в «Грамматике французской и русской» (Durovič 1992, 188). Уже после самостоятельного оформления списков «Grammatica Russica Hamburgensis» и «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» список-архетип был снабжен кириллической расшифровкой сокращений; диакритические знаки, вероятно, исчезли из списка уже в переработке В.Е. Адодурова.

²² Как уже отмечалось выше, М. Шмюкер-Брелоер считает «Букварь» Ф. Поликарпова основным источником списка аббревиатур в «Grammatica Russica Hamburgensis». В приложении к изданию «Grammatica Russica Hamburgensis» М. Шмюкер-Брелоер приводит таблицу, в которой сопоставляются списки сокращений в «Букваре» Ф. Поликарпова, «Grammatica russica» В. Лудольфа, «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауса и в «Grammatica Russica Hamburgensis» (Grammatica Russica Hamburgensis 2001, 36–37, 179–187).

В результате сопоставления списков сокращений в грамматиках русского языка первой половины XVIII в. мы установили, что списки «грамматик Академической гимназии» образуют единую традицию и восходят к общему списку-архетипу, составленному в самом начале XVIII вв. (до 1706 г.) на основе перечня сокращений из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701). Автор «Грамматики французской и русской» при составлении своего списка использовал уже переработанный вариант списка-архетипа, дополненный кириллической расшифровкой сокращений. Он сохранил существенную черту списка-архетипа, не переданную другими грамматистами, – знаки придыхания и ударения, а также «восстановил» ряд пропущенных в списке-архетипе слов по «Букварю». По всей видимости, составитель списка-архетипа пытался очистить список от производных слов, однако автор «Грамматики французской и русской» не вполне понял (или одобрил) принцип, в соответствии с которым были исключены некоторые наличествующие у Ф. Поликарпова слова, – как мы показали, предпринятые в «Грамматике» «восстановления» носят случайный характер.

Таким образом, мы можем констатировать, что в «Грамматике французской и русской» не было продуманной концепции, фактический материал не выверялся и, возможно, не перечитывался, однако эти недостатки компенсировались использованием хорошо разработанных источников. Уточненные в нашей статье сведения об источниках «Грамматики французской и русской» указывают на то, что автор «Грамматики» принадлежал к кругу преподавателей Академической гимназии или сотрудников Академии наук; кроме того, он являлся носителем русского языка, что подтверждается свободным владением как лексическим, так и грамматическим материалом.

Библиография

Березина О.Е. Два тематических лексикона начала XVIII в. (сравнительная характеристика) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.

Букварь языка славенска, сиречь начало учения детемъ, хотящим[ъ] учиться чтению писаний. – М., 1704 (Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689–январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич; ред. Н.П. Берков. М.–Л., 1958. № 34; мы пользовались экземпляром РНБ: шифр VI.6.11).

Винтер И.В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка // XVIII век. Вып. 4. 1959. С. 313–322.

Власов С.В., Московкин Л.В. Учебник русского языка для французов «Грамматика французская и русская» (1730) // Литературная культура XVIII века. СПб., 2007. Вып. 1. С. 40–56.

Вомперский В.П. Неизвестная грамматика русского языка И.С. Горлицкого 1730 г. // Вопросы языкознания. 1969. № 3. С. 125–131.

Зизаній Л. Грамматика словенська (1596): факсим. вид. / подг. В.В. Німчук. Київ, 1980.

Копанев Н.А. Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века // Русские книги и библиотеки в XVI–первой половине XIX века. Л., 1983. С. 38–53.

Максимов Ф. Грамматика славенска в кратцѣ собранна в Грекославенской школѣ яже въ великомѣ Новѣ градѣ при домѣ архіерейскомѣ. СПб., 1723 (Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. № 194; мы пользовались экземпляром НБ СПбГУ: шифр ЕП 3069).

Михальчи Д.Е. Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе: дис. ... док. филол. наук. Л., 1969.

Немировский Е.Л. Острожская азбука Ивана Федорова. Исследование. Словоуказатель. М., 1983.

Немировский Е.Л. Иван Федоров: около 1510–1582. М., 1985.

Поликарпов Ф. Технологія. Искусство грамматики / издание и исследование Е.Э. Бабаевой. СПб., 2000.

Поликарпов Ф. Букварь славенскими, греческими, римскими писмены... М., 1701 (Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. № 15; мы пользовались экземпляром РНБ: шифр VI.5.1).

Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / вступительная статья и публикация Е.Э. Бабаевой. М., 2004. Т. 1–2.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М.: 1963–1967, 1975. Т. 1–5.

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984–1986. Т. 1–3.

Смотрицкий М. Грамматика / [с дополн. Ф. Поликарпова]. М., 1721 (Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. № 135; мы пользовались экземпляром НБ СПбГУ: шифр ЕИ 4409).

Успенский Б.А. Неизвестная грамматика петровской эпохи (грамматика Ивана Афанасьева 1725 г.) // *Russian Linguistics*. 1989. № 13. P. 221–244.

Успенский Б.А. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1997. Том III: Общее и славянское языкознание. С. 437–573.

Charpentier *Éléments de la langue russe ou méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage*. SPb., 1795.

Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / herausgegeben von Helmut Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer. München, 2002.

Durovič L. Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка // *Russian Linguistics*. 1987. № 11. P. 255–278.

Durovič L. Грамматика Академической гимназии // Доломоновский период русского литературного языка... (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992. С. 171–211.

Durovič L. Издание фрагмента грамматики Й.Э. Глюка // *Russian Linguistics*. 1994. № 18. P. 185–195.

Durovič L. Sources of Gorlickij's *Grammaire francoise et russe* // *Acta Universitatis Stokholmiensis. Stockholm Slavic Studies*, 24. Stockholm, 1995. P. 51–61.

Glück J.E. *Grammatik der russischen Sprache (1704) / herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Helmut Keipert, Boris Uspenskij und Viktor Živov*. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Rossica. Oxonii, 1696 / ed. by B.O. Unbegaun. Oxford, 1959.

Keipert H. Russischlernen im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 63, 1. Heidelberg, 2004 [2005]. S. 71–95.

Schmücker-Breloer M. (Hrsg.) *Grammatica Russica Hamburgensis. Kommentierte Edition der Handschrift Cod. slav. 9 der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg*. Köln, Weimar, Wien, 2001.

Sohier J. *Grammaire et Méthode Russes et Francoises*. 1724 / факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. München, 1987. Vol. I–II.

Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise. Par Demandes & par Réponses, Dédiés à Monseigneur le Duc de Chartres*. Paris, 1730.

Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe à l'époque des Lumières // Cahiers du Monde russe. Vol. 46. No. 3. 2005. P. 473–528.

Unbegaun B.O. Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdr. der Ausg. von 1706, 1731 und 1750. München, 1969.